

ПРОФ. МИХАИЛ Н. АНДРЕЕВ, Римско частно право, София, Държавно издателство «Наука и изкуство», 1958, 359 стр.

Рецензируемая книга болгарского проф. М. Н. Андреева представляет большой интерес как для специалистов-правоведов, так и для историков древнего Рима. В книге дано систематическое изложение основных институтов римского частного права. Автор дает новое освещение ряду основных правовых норм древнего Рима. На страницах книги немало оригинально и остро поставленных вопросов, новых аргументов, обосновывающих точку зрения автора по проблемам, которые уже длительное время привлекают внимание исследователей римского частного права. Проф. Андреев уделяет особое внимание вопросам развития институтов римского частного права в древнейший период. Свою работу автор расценивает как опыт постановки и рассмотрения некоторых наиболее важных проблем с позиций учения Маркса и Ленина. Необходимо отметить, что такой подход к исследованию юридических институтов позволяет автору сделать ряд выводов, которые представляются весьма плодотворными.

Книга открывается введением, в котором автор рассматривает предмет и метод науки римского частного права, а также ее значение для современного юриста. Проф. Андреев совершенно правильно отмечает, что для болгарского социалистического права римское право не является ни источником правовых норм, ни правовых принципов. Однако, поскольку римское право в той или иной степени лежит в основе права буржуазных государств, изучение его имеет определенное практическое значение и сегодня. К этому можно было бы добавить, что и сами институты римского права не потеряли авторитета в глазах буржуазных судов. Нередко тяжущиеся ссылаются в су-

дах на принципы римского частного права для обоснования своей позиции, а сами суды кладут эти принципы в основание решений по конкретным делам¹.

Проф. М. Н. Андреев предназначает свою книгу в первую очередь для юристов. Несомненно, однако, что затронутые в книге проблемы могут заинтересовать и специалистов других отраслей знания. Работа, в которой дается марксистское освещение институтов римского права, окажется полезной также и для историков, занимающихся историей Византии. Мы думаем, что и при изучении истории русского права нельзя отвлечься от проблем римского права не только потому, что оно оказало влияние на т. X, ч. 1 «Свода Законов Российской империи», но и потому, что многие нормы римского права (преимущественно из Кодекса и Новелл Юстиниана) являлись составной частью церковного права, применявшегося на Руси, которая в течение длительного времени входила в состав константинопольской патриархии.

Автор дает обзор литературы по римскому частному праву. При этом проф. М. Н. Андреев присоединяется к той критической оценке литературы по этому вопросу, которая была дана известным советским знатоком римского права проф. И. С. Перетерским на страницах коллективной работы «Римское частное право». В связи с этим можно было бы заметить, что И. С. Перетерский специально отмечал, что наименьшую ценность для познания права античного Рима имеют те работы, которые были связаны с практической разработкой римского права в период его рецепции в Западной Европе (так называемое пандектное право).

Во введении проф. М. Н. Андреев характеризует также сущность римского частного права и основные правовые системы (*ius civile, ius gentium, ius praetorium*). Формулируя определение сущности римского частного права на основе известного определения права как воли господствующего класса, автор подвергает убедительной и интересной критике определения сущности права, содержащиеся в источниках. В книге отчетливо показано, что такие требования, как «честно жить» «не вредить другому» и др., выдвигавшиеся римскими юристами (D., 1, 1, 10), находились в вопиющем противоречии со всем характером общественных отношений в древнем Риме. По нашему мнению, характеристику основных правовых систем древнего Рима можно было бы дополнить и общими сведениями о том праве, которое нашло отражение в наших источниках.

Первый раздел книги посвящен вопросу об источниках римского частного права. Проф. М. Н. Андреев рассматривает здесь обычай, закон, эдикты магистратов, сенатус-консульты, конституции императоров. Специальные главы посвящены римской юриспруденции и кодификации Юстиниана. Исследуя закон как источник права, автор вскрывает классовое содержание законов в древнем Риме и подвергает в связи с этим критике известное определение закона, которое давал Гай (G., *Instit.*, 1, 3). В книге показывается, что при голосовании законопроектов в народном собрании богатые слои общества имели большинство. К этому можно было бы добавить, что и вся процедура голосования была построена соответствующим образом. Проект закона выработывался магистратом, причем комиции не обсуждали его, а могли только принять или отвергнуть в целом. Наконец, принятый закон требовал одобрения сената. Известно также, что в конце Республики в завоеванных провинциях законы (так называемые *leges datae*) могли издавать сами полководцы.

Автор дает подробное описание хода работ комиссии Трибониана и характеризует Дигесты как юридический памятник, останавливаясь на проблеме интерполяции. Нам кажется, однако, что Дигестам уделено в книге недостаточно внимания. Кодификация Юстиниана была событием, равного которому не было за всю многовековую историю римского частного права. Одно это требовало от автора подробного анализа причин, вызвавших проведение кодификационных работ. Несомненно, что в глазах современников Дигесты выглядели совершенно иначе, чем в глазах историков права: если перед нами они выступают главным образом как исторический памятник и одновременно источник сведений о сочинениях римских юристов, то современниками они должны были рассматриваться как законодательный акт, призванный регулировать существовавшие в Риме общественные отношения. Что бы ни говорил Юстиниан в Конституции Танта (§ 10), Дигесты выступали как закон, обращенный в будущее. В связи с этим было бы весьма полезно, если бы в книге была дана характеристика основных нововведений, содержащихся в Дигестах, и тех новых факторов, которые оказали влияние при их составлении. Здесь желательна была бы и оценка тех мнений, которые высказал по этим вопросам И. С. Перетерский в своей книге «Дигесты Юстиниана», вышедшей в 1956 г.

Второй раздел рецензируемой книги посвящен вопросам римского гражданского процесса. Проф. М. Н. Андреев рассматривает здесь легисакционный процесс и когниционный процесс, но основное внимание уделяет проблемам формулярного про-

¹ Cp. Raphael Powell, *Roman Law in Common Law Courts*, «Current Legal Problems», L., 1958.

цесса. В частности, исследуются причины введения формулярного процесса, судоустройство, производство *in iure* и *in iudicio*, формула и принудительное исполнение.

Третий раздел книги озаглавлен «Личное и семейное право». Раздел открывается главами, посвященными правовому положению рабов и свободных. Проф. М. Н. Андреев подробно характеризует принцип римского частного права, согласно которому рабы не имеют никакой правоспособности, и показывает, что те отступления, которые допускались от этого правила, были вызваны потребностями класса рабовладельцев в условиях развивающихся товарно-денежных отношений.

Автор уделяет значительное внимание характеристике римской семьи, брака, отношений между супругами и родителями и детьми. Особенно подробно проф. М. Н. Андреев рассматривает понятие и форму брака в древнем Риме. Он утверждает, что римское понятие брака коренным образом отличается от понятия брака, установленного христианской церковью. В то время как последняя трактует брак как религиозное «таинство», связывающее стороны до конца их жизни, в римском обществе не было ни идеи «таинства», ни идеи нерасторжимости брака. По словам проф. М. Н. Андреева, «римский брак — преимущественно фактическое отношение, урегулированное обычаями, прочное сожитие между мужчиной и женщиной с сознанием, что это сожитие есть общение всей жизни» (стр. 127). Исходя из этого определения, автор разрешает вопрос о форме заключения брака. Высказывая мысль, что *confarreatio* *coemptio* и *usus* были, согласно Гаю, не способами заключения брака, а способами установления власти над женой, он приходит к выводу, что форма заключения брака была урегулирована преимущественно обычаями, причем подчеркивает, что это были не юридически фиксированные формы бракосочетания, а необязательные обычаи (стр. 128).

Относительно толкования брака проф. М. Н. Андреевым, возможно, однако, сделать некоторые замечания. Противопоставление римского понятия брака понятию брака, выработанному христианской церковью, верно лишь до известной степени. Известно, что взгляд на брак как на религиозное «таинство» утвердился лишь после постановления Тридентского собора (1545—1563 гг.). Необходимость церковного венчания была признана при Льеже Философе (886—919 гг). До этого богословы как Западной, так и Восточной церкви придерживались по вопросу о браке принципов римского права: «брак устанавливается соглашением сторон» (D., 35, 4, 15).

Далее, автор рассматривает брак по римскому праву как преимущественно фактическое отношение. Однако свобода развода в древнем Риме и «светский» взгляд на сущность брака не превращают его еще в фактическое отношение. Сам автор на стр. 130—131 убедительно показывает, что римское право регулировало условия вступления в брак, личные и имущественные отношения между супругами, включая отношения, связанные с приданым (*dos*). Юридической регламентации подвергался даже институт обручения (*sponsalia*). Рассматривая римский брак как фактическое отношение, автор тем самым как бы соглашается с распространенной в буржуазной юриспруденции концепцией, согласно которой только брак, совершенный в соответствии с современными требованиями христианской религии, является браком в собственном смысле, а все другие формы брака трактуются просто как фактическое отношение.

Мы не думаем также, что та аналогия, которую некоторые современные романисты проводят между браком и институтом владения и на которую ссылается автор (стр. 127, прим. 1), является обоснованной. При проведении этой параллели не принята во внимание социальная сущность этих совершенно несравнимых институтов.

Не со всеми выводами автора можно согласиться и тогда, когда он исследует вопрос о форме заключения брака. Возможно, что римское право не содержало такой подробной регламентации церемонии бракосочетания, какую дает современное каноническое право. Однако на основании этого, по нашему мнению, нельзя делать вывод, что бракосочетание в Риме регулировалось только необязательными обычаями. В глазах Гаю *confarreatio*, *coemptio* и *usus* были уже не способами заключения брака, а лишь способами установления власти над женой. Ко времени, когда жил Гай, брак *cum manu* почти вышел из употребления; повсеместным распространением пользовались новые способы заключения брака, и естественно, что в глазах современников старые формы заключения брака выглядели просто как способы установления власти над женой. Доказательством этому является тот факт, что Гай и *confarreatio* трактует как способ установления власти. Между тем автор признает на стр. 129, что *confarreatio* — форма заключения брака.

Нельзя согласиться с проф. М. Н. Андреевым, когда он преуменьшает роль тех норм римского права, которые регулировали форму заключения брака. Помпонию определенно указывает на то, что церемония введения жены в дом мужа была необходимым обрядом при заключении брака. Из этого он делал важный юридический вывод, что женщина может быть выдана замуж за мужчину, отсутствующего в месте заключения брака, но нельзя заключить брак с отсутствующей женщиной (D., 23, 2, 5). Кроме того, законодательство периода Юстиниана устанавливало требование письменного брачного договора или заявления о заключении брака.

Автор не рассматривает в книге конкубинат. Думается, однако, что при исследовании упомянутых выше вопросов следовало показать, в чем же состояло, по мнению автора, отличие конкубината и настоящего брака согласно нормам римского права.

Раздел завершается главой «Юридические лица». Проф. М. Н. Андреев рассматривает здесь сущность и виды юридических лиц, историческое развитие юридических лиц в Риме, а также правоспособность и дееспособность юридического лица. В связи с затронутыми здесь вопросами мы хотели высказать следующее замечание. В литературе по римскому частному праву (в том числе и в советской) употребляется понятие «юридическое лицо», выработанное в процессе последующего развития правовой мысли и означающее организацию как субъект права. Как известно, в источниках римского права термин «юридическое лицо» не встречается. Разумеется, при исследовании институтов римского права часто приходится пользоваться рядом понятий, которые были неизвестны самим римским правоведам и которые явились продуктом последующего развития права. Для марксистов — исследователей римского права имеет огромное значение, как использовал в соответствующих случаях понятие юридического лица К. Маркс. При анализе институтов римского права Маркс подразумевал под юридическим лицом не организацию, а всякий субъект права, как отдельного человека, так и организацию. Маркс писал: «В римском праве поэтому раб правильно определяется как тот, кто не может приобрести для себя путем обмена (см. Институции). Поэтому также ясно, что это право, хотя оно соответствовало общественному состоянию, в котором обмен отнюдь не был развит, все же, вследствие того, что в определенном круге он был развит, смогло развить определения юридического лица, именно — индивида обмена...»². По нашему мнению, одна из задач марксистской науки о римском частном праве — разработка именно этого вопроса.

Четвертый раздел рецензируемой книги посвящен проблемам вещного права. Проф. М. Н. Андреев рассматривает здесь круг вопросов, связанный с владением, собственностью и правами на чужие вещи. Автор не только подвергает убедительной критике две основные концепции владения (Савиньи и Перипга), но и дает собственное интересное обоснование защиты владения с точки зрения классовых интересов рабовладельцев (стр. 156—159). Следует согласиться с высказанным проф. М. Н. Андреевым мнением, что владельческая защита в древнем Риме предоставлялась не по юридическим, а по социальным и экономическим соображениям. Совершенно правильно замечание автора о том, что между правовым режимом *ager publicus* и защитой владения имеется определенная связь. Столь же обоснованы его соображения о защите владения залогового кредитора, прекариста, секвестора.

Необходимо сделать, однако, замечание, относящееся к понятию владения. Проф. М. Н. Андреев определяет владение следующим образом: «Согласно римскому праву, владение есть фактическое господство какого-либо лица над какой-либо вещью» (стр. 153). Известно, однако, что взгляд на владение как на фактическое господство лица над вещью обязан своим возникновением не римским юристам, а германской цивилистике. Это понимание владения вызывает серьезные сомнения по существу. Как известно, Маркс отмечал, что предпосылкой отношения господства является присвоение чужой воли и что по отношению к вещи (к земле, к животному и т. д.) не может быть какого-либо отношения господства³. Исходя из этого понятия, владение как господство можно распространить только на раба. Далее, согласно толкованию проф. Андреева, владение не отражает существа соответствующих отношений в древнем Риме. Мы уже говорили о том, что ряд лиц, которых можно было бы рассматривать как «фактически господствующих» над вещью (наиматель и др.), в римском праве рассматривались как держатели, а не как владельцы. Мы хотели бы подчеркнуть и другое. Определение владения, данное автором, не препятствует, чтобы владельцем признавался также и раб, который может быть признан владельцем, если он «фактически господствует» над вещью. Между тем хорошо известно, что, согласно римскому праву, рабы не могли быть владельцами. По нашему мнению, этот факт имеет первостепенное значение для исследования всех проблем, связанных с владением и, в первую очередь, проблемы защиты владения.

В буржуазной литературе неоднократно отмечалось, что мандатарий, депозитарий, коммодатарий и др. не пользовались владельческой защитой, но обычно умалчивается, что владельческой защитой не пользовались также и рабы. Это обстоятельство кажется очевидным, однако в области учения о владении в римском праве именно оно дает социальный фон. Владение вещью как экономический факт реализуется в процессе ее

² К. М а р к с, *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*, 1857—1858, М., 1939, стр. 157. Эта мысль повторяется также в другой его работе (см. К. М а р к с, *Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Anhang*, 1850—1859, М., 1941, стр. 916). Более подробно по этому вопросу см. А. А. Р у б а н о в, О понятии юридического лица в «Капитале» Карла Маркса, М., 1957, стр. 23.

³ См. К. М а р к с, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, ВДИ, 1940, № 1, стр. 36.

производительного или личного потребления. Тот, кто в процессе производства или в процессе личного потребления использует вещь, тот фактически и выступает как ее владелец. В масштабе целого общества производительное потребление имеет решающее значение. Как известно, в древнем Риме основную массу производителей составляли рабы, которые своим трудом приводили в движение средства производства, находившиеся в собственности рабовладельцев. При этом земля, орудия труда, рабочий скот и т. п. по необходимости находились в их обладании, а не в обладании представителей паразитического класса рабовладельцев, которые были собственниками этих предметов. В связи с этим римское право, устанавливая защиту владения независимо от юридического основания, принципиально исключило из нее основную категорию лиц, фактически обладавших вещами, а именно — рабов. В целях обоснования этого принципа была выдвинута юридическая фикция, что все, чем обладает раб, находится во владении его господина. Классовая логика привела римское право к игнорированию реальных фактов. Именно поэтому высказываниям римских юристов по вопросу о владении свойственно так много противоречий и неясностей.

Следует согласиться с проф. М. Н. Андреевым, когда он подвергает критике мнение, что римские юристы трактовали право собственности как состоящее из трех правомочий: *ius utendi*, *ius fruendi*, *ius abutendi*. Автор правильно отмечает ошибочность этого мнения и указывает, что в древнем Риме право собственности рассматривалось как единое право. Стремление же выделять отдельные правомочия собственника обязано своим возникновением главным образом старой пандектной литературе. Между тем и в советской юридической литературе иногда высказывается мнение, что римское право разлагает право собственности на три правомочия⁴.

При рассмотрении вопроса об отношении сабинианцев и прокулианцев к проблеме спецификации проф. М. Н. Андреев правильно обратил внимание на связь между философскими учениями стоиков и перипатетиков и теми решениями, которые были даны двумя названными школами этому вопросу. Вместе с тем следовало отметить и то обстоятельство, что основной вопрос, который возникает при переработке чужой вещи, состоит в том, насколько следует признавать за трудом роль титула права собственности. Согласно законам простого товарного производства, затраты собственного труда служат способом присвоения вещи. Очевидно, прокулианцы при решении этого вопроса находились в большей степени на базе отношений простого товарного производства, чем сабинианцы.

Не вполне точно характеризует проф. М. Н. Андреев сущность сервитутов. Он пишет, что в то время, как собственность давала полное юридическое господство над вещью, права на чужую вещь давали лишь ограниченное господство над вещью (стр. 188). Выше нам уже пришлось останавливаться на понятии «господство над вещью». Сейчас мы хотели бы обратить внимание на то, что и в юридико-техническом отношении это понятие не всегда выражает сущность сервитута. На стр. 191 автор отмечает, что сервитуты делились на положительные и отрицательные. В первом случае собственник обслуживаемого участка имел право совершать известные действия по отношению к обслуживаемому участку. Такие случаи еще можно было бы подвести под понятие «господства». Во втором же случае собственник обслуживаемого участка был обязан воздерживаться от совершения каких-либо действий (например, не строить здания выше определенного предела). По нашему мнению, в таких случаях нельзя говорить о «господстве» собственника обслуживаемого участка.

Пятый раздел книги — «Обязательственное право. Общая часть». Автор рассматривает в этом разделе обязательство в его историческом развитии, сущность и элементы обязательства, натуральное обязательство, а также общее учение о договоре, исполнении и неисполнении обязательства, иные способы погашения обязательства и др. Большой интерес представляют высказывания автора относительно развития обязательства в римском частном праве и об истории договора.

Шестой раздел книги посвящен особенной части обязательственного права. Проф. М. Н. Андреев анализирует формальные договоры, консенсуальные договоры, безымянные контракты, пакты, квазиконтракты, деликты и квазиделикты, а также обеспечение обязательств.

Сделанные замечания относятся к частным и спорным вопросам. Они не колеблют общей положительной оценки книги проф. М. Н. Андреева. Нет сомнения, что она будет прочитана с большим интересом юристами, интересующимися проблемами римского частного права, а также и историками древнего Рима.

А. А. Рубанов

⁴ Ср. А. В. Венедиктов, Государственная социалистическая собственность, М.—Л., 1948, стр. 13.